

1

Бывали-живали старик да старушка. У старика, у старушки был сын Иван. Жили они ни много, ни мало; старик помер, а сын вырос. Старуха напряла два мотка. В то самое времечко занадобилось Ивану ехать на ярмарку; стал проситься у матери: «Я поеду, мати, на ярмарку; стану торговать, из карманов воровать; наторгую много денег и буду богат!» - «Что ты, дитятко! - говорит ему мать. - Этак ведь неладно». - «Небось, ладно будет!» Взял он у старухи мотки пряжены, приехал на ярмарку и начал торговать; продал на десять рублей да украл девяносто - стало всех денег сто рублей. Накупил себе пряников да меду, сел на воз и поехал домой. Едет - не едет, всё пряники в мед макает да в рот пихает. Попался ему на дороге барин: скачет на лихой четверне. Увидел барин Ивана, остановился и говорит ему: «Что ты, мужичок, больно роскошно кушаешь? Кажись бы, пряники можно и так есть; а ты еще в мед макаешь!» - «Как же мне роскошно не есть! - отвечает Иван барину. - Ездил я в торг торговать, выторговал десять да украл девяносто рублей; а с тебя хоть бы двести взять». - «А ну, ухитрись!» - «Давай-ка, барин, уговор положим: коли ты мне молвишь: «врешь!» - с тебя двести рублей; а коли удержишься - делай со мной, что сам знаешь». - «Ладно!» - говорит барин.

2

Вот ударили они по рукам, и начал Иван сказку сказывать: «Был я у отца с матерью малешенок; пошел я как-то в лес; увидел в лесу дерево, а в дереве дупло, а в дупле-то жареные перепелята гнездо свили. Сунул я в дупло руку - не лезет, сунул ногу - не лезет; я согнулся да прыг - и вскочил туда весь. Наелся-накушался, захотел вылезть; не тут-то было! Больно толст от еды сделался, а дыра мала. Я, добрый молодец, догадался, сбегал домой за топором, прорубил дыру и вылез. Вздумалось тогда мне напиться; пришел я к морю, снял череп, зачерпнул воды и напился. Все бы ладно, да уронил череп в воду. Глядь - а он серед моря плавает, утки-гуси в нем гнезда поделали да яиц нанесли. Что делать? Раз топором кинул - недокинул, в другой кинул - перекинул, а в третий совсем не попал. Вот так-то я всех гусей-уток побил; яйца сами улетели. Опосля того зашел я по конец моря, взял да зажег; как все море выгорело - я достал свой череп и пошел по белу свету разгуливать».

3

«Бай, бай, мужичок! - говорит барин. - Все это правда истинная!» - «Поехал я в лес за дровами. Пока там-сям бродил да дрова рубил, серые волки набежали, у моей лошаденки брюхо прорвали. Только я догадлив был: вырубил березовый прут да бегом к лошади; кишки все собрал, в брюхо поклат и зашил березовым прутом. Наложил целый воз дров и стал в путь собираться, трогаю лошадь, она ни с места! Что за диво? Смотрю, а березовый-то прут вырос высоко-высоко, так за облако и задевает верхушкой. Вот я полез на небо; все там выглядел, все там высмотрел. Пора и назад спускаться; на мою беду лошаденка с места дернула и свалила вербу. Как быть, чем горю пособить? Набрал я пыли-копоти, свил канат, привязал его за облако и давай спускаться вниз. Спускался, спускался, пока канату не достало. Что же я вздумал: сверху-то отрежу, да на низ наставлю; отрежу да наставлю, отрежу да наставлю, а сам все вниз спускаюсь. До того

дошло, что резать-то нечего, а до земли еще далеко! Вот поднялся сильный ветер; уж меня качало, качало, во все стороны бросало! Канат оборвался, и упал я в самую преисподнюю. Насилу оттуда выбрался! Да, был я, барин, в аду; видел, как на твоём отце навоз возят...» - «Что ты, дурак, врешь!» А Ивану того только и надобно; взял с барина по уговору двести рублей и поехал домой. Мать ему обрадовалась; тотчас назвала гостей, сродников, и подняли они пир великий; на том пиру и я был, мед-вино пил, по усу текло, во рту сухо было. Дали мне колпак, стали в шею толкать; дали мне шлык, а я под ворота шмыг! Сказке конец, а мне меду корец.